

Моей матери Селин

*Всем, кто переживает великую историю
любви со своими кошками и кого больше
никто не может понять.*

Вы становитесь счастливыми, когда понимаете простую истину: все на свете участвует в одном простом проекте: принести вам удовлетворение.

Кошка Бастет

Пока у кошек не будет своих историков, во всех рассказах с участием кошек будут прославляться только люди, мнящие себя их хозяевами.

Кот Пифагор

Продолжительность жизни людей, живущих с кошками, увеличивается на 10%.
У кошек, живущих с людьми, возможность сохранить в целостности свои половые органы уменьшается на 10%.

Кошка Эсмеральда

Акт I
НОВЫЙ СВЕТ

1. КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ

*Черт возьми, не может быть, не для того старались,
чтобы вышло ЭТО!*

Я ошарашена увиденным.

От кончика моего хвоста до макушки пробегает су-
дорога.

Расширяются зрачки.

Заостряются уши.

Шерсть встает дыбом.

Челюсти стискиваются до скрежета зубов.

Вы меня знаете: я не из впечатлительных, но тут, при-
знаться, даже я ошеломлена до дрожи в кончиках усов.

Невольно выпускаю и снова втягиваю когти.

Мы на борту большого парусника «Последняя надеж-
да», позади пересечение Атлантического океана, трид-
цать пять изнурительных дней, и вот теперь перед нами
громоздится огромный человеческий город под названием
Нью-Йорк.

Но американская мечта рассыпается, как слишком вы-
сокая гора сухого корма, насыпанного в мелкую миску.

Мы думали, что найдем убежище, где не будет крыс,
а тут проклятых грызунов даже больше, чем в Париже.
Если оценить на глаз, их раз в сто больше, чем там, от-
куда мы сбежали.

Ну и зрелище!

Крысы, всюду крысы, мерзкие твари с бурой шерстью.

Даже на большом расстоянии слышен их свист.

Не говоря о запахе.

Весь Манхэттен провонял мочой этих грызунов.

Мы все онемели от ужаса.

«Мы» — это я, Бастет, и «моя компания», то есть те, кто сопровождал меня в плавании через Атлантический океан, а именно (перечисляю в порядке интереса, который они представляют для меня):

— мой сексуальный партнер, сиамский кот Пифагор. Он посвятил меня в людскую премудрость, только он отчаянный трусишка, маскирующий свою трусость словечком «пацифист»;

— мой сынок Анжело — мелкий неврастеник, высокомерный и жестокий, со склонностью к нахлебничеству;

— Эсмеральда, желтоглазая черная кошка, моя соперница, я презираю и ненавижу ее, уверена, что она уже переспала с Пифагором;

— теперь о людях: это моя преданная служанка Натали, слишком медленно мне подчиняющаяся, и профессор Роман Уэллс, ее мужчина. Это он предложил сделать мне операцию по вживлению в лоб ТРЕТЬЕГО ГЛАЗА, обеспечившего доступ к его Энциклопедии. Он — мой любимчик. Скорее умен, во всяком случае, для человека;

— да, еще представители низших существ. Попугай Шампольон, самодовольное болтливое пернатое, понимающее и болтающее на нескольких языках и выступающее в роли универсального переводчика. Он приносит большую пользу: через него я могу обращаться к другим видам. Далее, бордер-колли Наполеон, являющийся ввиду своего прошлого пастушьей собакой прекрасным проводником для стад, собака почти кошачьей утонченности и безукоризненной верности; а также хряк Бадинтер, выступивший в свое время моим адвокатом, возможно, самыймышленный среди нас, хотя сам он еще не знает об этом. Я рассчитываю помочь ему осо-

знать себя. Уверена, эта свинья гениальна, в будущем он с моей помощью превзойдет себя;

— на последнем месте анонимы, проходящие у меня под кличкой «слуги моих слуг».

В общей сложности на «Последней надежде» 274 пассажира: 144 кошки, 12 людей, 65 свиней, 52 собаки, 1 попугай.

Сейчас все они смотрят на меня и ждут моей реакции.

— Подплывем ближе, приглядимся.

Предложение сделано твердым тоном, чтобы создать впечатление, что лично меня американские крысы не пугают и что я уже продумываю дальнейшую стратегию.

Моя мать говорила: «Вожди не те, кто сильнее остальных, а те, кто создает впечатление, что меньше всех удивлены новыми событиями».

В который раз убеждаюсь, что моя уверенность и врожденное хладнокровие вроде бы вселяют во всех веру.

Итак, я и все «мои» подплываем ближе к американскому берегу.

Надо сказать, что наша «Последняя надежда» — старая трехмачтовая посудина.

На всех парусах она, подгоняемая ветром, устремляется к берегу, и я еще явственнее чувствую доносящееся оттуда благоухание.

Оно гораздо хуже, чем мне показалось сначала. Крысы — они всюду крысы.

Чтобы выиграть время, я обращаюсь к своему окружению с такими словами:

— Само собой, они тут как тут, следовало это предвидеть. — И добавляю с максимальной непринужденностью в голосе: — Но вы не беспокойтесь, у меня есть план.

Это фраза из числа тех, что позволяют снять напряжение.

— Мы внимательно тебя слушаем, — тут же вылезает насмешница Эсмеральда.

Определенно, эта черная кошка с каждым днем испытывает ко мне все бóльшую неприязнь. Чую в ней бунтарку. Стоит мне ее увидеть, меня тут же посещает мысль, что она уже приворожила, прикинувшись приемной матерью, моего сына Анжело, а еще, как и подобает прирожденной потаскухе, соблазнила моего милого дружка Пифагора. Сейчас она явно хочет посеять сомнение в моей способности командовать. Не удивлюсь даже, если она поставит под вопрос мою безусловную власть.

— Останавливаемся. Хочу лучше разглядеть, что там творится.

Паруса свернуты, якорь брошен, с лебедки медленно, с лязгом сматывается длинная якорная цепь.

Мы толпимся на носу «Последней надежды». Отсюда лучше виден берег.

Прочь сомнения, суша заражена крысами. Они всюду. Сотни, тысячи, десятки тысяч, копошащееся месиво крыс, настоящий ковер из бурой шерсти, колышимый ветром, как море живого меха. Отвратительное звуковое сопровождение этой отталкивающей картины — немолчный писк, похожий на чириканье несчетного количества скворцов.

— Нью-Йорк захвачен, — констатирует со вздохом Эсмеральда.

Еще одна бесполезная фраза: это то самое, что уже сказала я, и то, что каждый видит собственными глазами. Мы передаем друг другу бинокль.

Я усиленно шевелю мозгами.

Что делать?

Бежать?

Воевать?

Чувствую, волнение моих спутников превосходит мое.

Предложение не заставляет себя ждать:

— Общий сбор в капитанской каюте!

Чем сложнее проблема, тем решительнее мой тон.

Проходит несколько минут — и все мои подданные уже расселись в большой каюте, сияющей надраенной древесиной.

Кошки. Люди. Свиньи. Собаки. Какаду.

Я жду, пока установится тишина.

— Так что у тебя за план? — не выдерживает Эсмеральда, отказывающаяся скрывать свое нетерпение.

Я отвечаю:

— Сперва хочу послушать ваши соображения. Наверняка у вас найдутся конструктивные мысли.

Я умалчиваю о том, что на данный момент ничего еще не придумала и просто тяну время.

— Есть предложение вернуться во Францию, — лезет вперед Эсмеральда. — Жаль говорить о неприятном, но уже ясно, что в Америке гораздо больше крыс, чем в Европе. Мы думали, что плывем в город, придумавший эффективное средство против крыс, но выходит, что либо американские люди нас обманули, либо их средство больше не действует. Нам остается одно: пересечь Атлантику в противоположную сторону, вернуться домой.

Я освежаю ей память:

— Во Франции видимо-невидимо крыс под предводительством страшного царя Тамерлана.

— Один раз мы его победили, победим и во второй. Этот враг нам уже знаком. Как мне представляется, это реалистичнее, чем идти против неисчислимых американских крыс, с которыми мы даже не знакомы, — нагло гнет она свое.

Она больше меня не боится?

Я мяукаю:

— Хочешь опять воевать с Тамерланом?

— Все остальное еще хуже, — продолжает настаивать она.

— Не забывай, Эсмеральда, что мы еле-еле его одолели. В этот раз я не уверена в успехе. У кого-нибудь есть более реалистичные варианты?

Лапу тянет Анжело.

— Нападем на них! Подумаешь, какие-то крысы! Набросимся и всех перебьем. Разом с ними покончим.

Я насмешливо смотрю на своего сына и даже утруждаюсь ему ответить.

Какой примитив, какая ограниченность! Он воображает, что власти можно добиться насилеиом. Что же, придется заняться его образованием. Лучше поздно, чем никогда.

Я спрашиваю со вздохом:

— Еще какие-нибудь идеи?

— Предлагаю остаться на борту. Будем считать корабль нашим островом, нашим убежищем, — подает голос Пифагор.

— Как насчет пропитания?

— Рыбная ловля. То же самое, что в плавании.

— Хватит с меня рыбы, — отмахиваюсь я.

Остальные согласны со мной.

— Нельзя бесконечно сидеть на корабле, — заключаю я.

Натали поднимает свою изящную пятипалую руку и берет слово. Я могу понимать ее речь благодаря новому коммуникационному интерфейсу, вживленному мне в лоб.

Это сложное устройство, сконструированное профессором Романом Уэллсом, позволяет при помощи простого черного шарика, похожего на бородавку на моем Третьем Глазу, поддерживать радиосвязь по протоколу *Bluetooth* с микронаушником моей служанки. Программа в простом микрочипе преобразует ее человеческие слова

в понятное мне мяуканье и, наоборот, мое мяуканье — в понятные ей фразы.

— Я предлагаю, — говорит она, — отправиться на поиски другой территории в Америке, более пригодной для безопасной высадки. Далее мы двинемся посуху и найдем спокойное местечко. Неважно где: в Скалистых горах, в пустыне Мохаве, в полных аллигаторов болотах Юга... Я бывала там в молодости. Крысы не захотят и не смогут там поселиться.

Я напоминаю ей о реальном риске:

— Узнав, где мы закрепились, они на нас нападут. В том, что они нас найдут, нет сомнения.

— А если поискать остров вблизи побережья? — предлагает профессор Роман Уэллс. — Наверное, там будет меньше крыс, чем на континенте. На острове будет проще удерживать их на расстоянии.

Остальные, как я погляжу, мучаются сомнениями. Думаю, всем надоело питаться рыбой.

— Можно было бы попробовать вступить в переговоры, — курлычет какаду Шампольон. — Пустив в ход дипломатию, я бы мог убедить местных жителей, что для них выгодно оказать нам гостеприимство.

Для пушей убедительности он расправляет свой белый хохолок.

— Все бы ничего, — говорю я, — не будь у крыс мерзкой привычки, возможно, атавизма, истреблять всех, кто не похож на крысу. Не хочу противоречить тебе просто из принципа, Шампольон, но с самого своего рождения я ни разу не встречала крысу, которая благосклонно относилась бы к чужакам. Они даже друг другу не дают спуска: убивают старых, больных, слабых, иногда даже собственных детей, если тем не повезет оказаться хилыми.

— Тебе не встречались благосклонные французские крысы, но американские могут оказаться более покладистыми, — не сдается попугай.